

И.В. ПАВЛЮТКИН, М.А. ГОЛЕВА

КАК СОЗДАЮТСЯ СЕМЬИ С БОЛЬШИМ ЧИСЛОМ ДЕТЕЙ: ТИПЫ ЖИЗНЕННЫХ ПЕРЕХОДОВ РОДИТЕЛЕЙ

ПАВЛЮТКИН Иван Владимирович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник (euhominid@gmail.ru); ГОЛЕВА Мария Александровна – младший научный сотрудник (m.goleva@mail.ru). Оба – научная лаборатория «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва, Россия.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования родительских переходов к многодетности, опирающиеся на анализ 46 глубинных интервью в трех российских городах – Архангельске, Владимире и Москве. При отборе респондентов учитывались различия в количестве детей, браков, уровне образования и религиозности. По итогам анализа семейных историй построена формализованная типология родительских переходов к многодетности. Описанные типы переходов – случайный, формальный, планируемый, естественный и совместный – характеризуются собственными маркерами и значимыми форсирующими факторами. Выделенные типы переходов к многодетности в браке можно выстроить внутри двух противоположных логик аргументации. На одном полюсе располагается логика открытости рождением, а на другом – логика ответственности перед рождениями.

Ключевые слова: социология семьи • многодетная семья • жизненный переход • религиозность • социальные связи

DOI: 10.31857/S013216250009564-3

Постановка проблемы. В центр исследования поставлен вопрос – как создаются многодетные семьи в современном российском обществе? В отечественных публикациях многодетная семья, как правило, описывается в категориях риска и защиты, фокус интереса направлен на диагностику и обсуждение проблем этой социальной группы: бедности, неблагополучия, эксклюзии, депривации и т.п. [Ярская-Смирнова, 2010; Воронин, 2016; Смолева, 2019; Корчагина и др., 2019]. За рамками научного поиска остаются вопросы о мотивах и траекториях жизненного перехода к многодетности, а также осознании его самими родителями [Шевченко, Шевченко, 2005]. Вместе с тем феномен многодетности представляет особый интерес для изучения в обществе, характеризуемом невысокой длительностью отношений в браке и слабой рождаемостью. В социальных науках и демографии доминируют аргументы о рационализации жизни и ценностной модернизации общества, которые фреймируют жизнь в семье с несколькими детьми в качестве не вполне разумной или осознанной альтернативы для других жизненных траекторий, предъявляемых человеку в современном обществе. Что это за аргументы?

Во-первых, многодетность оказывается несвоевременной для общества, в котором традиционная и ценностно-рациональная мотивация рождения детей сменилась целерациональной [Aries, 1980; Вишневский, 2009]. Поскольку издержки (материальные и временные), связанные с рождением и воспитанием нескольких детей, оказываются высокими по отношению к ценности детей, родители сознательно ограничивают их количество взамен качеству [Беккер, 2003]. В данном случае теория рационального выбора позволяет объективировать логику ограничения рождений. Для этого используются результаты

исследований, показывающие, что многодетность связана с более высокими рисками бедности, низкой оценкой здоровья членов семьи, худшими жилищными условиями и уровнем потребления, возможностями для самореализации и т.п. [Прокофьева, Куприянова, 2009; Воронин, 2016]. Такая аргументация находит поддержку в общественном мнении и «институциональной речи», когда многодетность связывается с «безответственным родительством» [Вовк, 2007; Ярская-Смирнова, 2010].

Во-вторых, многодетность оказывается нетипичной для общества, в системе ценностей которого устойчивый брак и рождение детей становятся альтернативой для других жизненных траекторий. Теория второго демографического перехода связывает изменение модели брака и рождаемости с выходом на первый план постматериальных ценностей, таких как индивидуальная самореализация, личное развитие, свобода выбора, чему способствует расширение доступа к высшему образованию, а также процессы секуляризации [Каа, 1996: 425; Zaidi, Morgan, 2017]. В данном случае речь идет не об инструментальной рациональности, опирающейся на логику соотнесения издержек и выгод, связанных с браком и рождением детей. Объективация ценностного аргумента производится за счет указания на существование нескольких траекторий формирования отношений с партнером, которые могут не предполагать регистрации брака и/или рождения детей [Безрукова, 2016; Артамонова, 2018].

Если опираться на вышеперечисленные аргументы, то многодетность оказывается не вполне рациональной альтернативой в ряду жизненных траекторий. Например, исследователи указывают на характерную для России норму двухдетной семьи [Малеева, Синявская, 2006], говоря о снижении как желаемого, так и ожидаемого числа детей. Фиксируя разницу между желаемым и фактическим числом детей, социологи и демографы подчеркивают декларативность установки на большую семью [Тындик, 2012: 369]. Как следствие, объяснения рождения троих и более детей в семье связываются с «установками», «склонностями», «остатком традиции» – набором детерминистских аргументов, которые не позволяют понять смысловые основания перехода к жизни с несколькими детьми.

Реализованное исследование опирается на концепцию **жизненного цикла семьи** (family life course), согласно которой жизнь семьи рассматривается как набор переходов, представляющих собой изменение ролей и отношений между членами семьи с течением времени [Bengtson, Allen, 2009]. Одним из семейных переходов является **переход к родительству** (transition to parenthood) – приобретение супругами роли «родители» [Rossi, 1968], в ходе которого происходит переопределение характеристик общения как внутри семьи, так и при взаимодействии семьи с внешним миром [Belsky, Pensky, 1988; LaRossa, Sinha, 2006]. Исследования переходов к родительству показывают, как последние отражаются на качестве общения супругов, конфликтах и удовлетворенности браком, вовлеченности матерей и отцов в заботу о детях, организации семейного времени и даже вероятности развода [LaRossa, LaRossa, 1981]. Многодетная семья в этом смысле является интересным объектом для исследования, поскольку в таких семьях переход к родительству является многократным, что редко изучается в социальных науках, как и реальность жизни многодетных семей [Bossard, Boll, 1956; Крихтова, 2019; Голева, 2019b]. Исследователи как будто исходят из того, что он происходит один раз при рождении первенца, а все остальные дети не вносят вклада в траекторию семейной жизни и не меняют ее устройства. На примере изучения вариативности групп многодетных семей показано, что это не так [Павлюткин, Борисова, 2019]. С одной стороны, факторы многодетности отличаются от факторов, влияющих на рождение первых и вторых детей. С другой – сами многодетные семьи различаются по многим значимым признакам: продолжительности брака и интервалу рождений, ценностям, признакам религиозности, размеру социальной сети [там же, 2019]. Фокус на многодетности в изучении переходов к родительству позволяет увидеть поворотные точки (turning points) в биографии родителей, которые определили дальнейшие траектории их жизни, и обнаружить разные смысловые основания в осознании этих переходов.

Для обсуждения жизненных переходов родителей¹ с позиций выборов и решений, а не предрасположенностей, нами представлены результаты анализа глубинных интервью с родителями троих и более детей. В ходе анализа интервью нас интересовали ответы на следующие вопросы. Каким образом родители осознают переход к жизни с несколькими детьми в семье? Какие аргументы о рождении нескольких детей они предъявляют? Какие точки в родительской или семейной биографии определяют этот переход? По итогам анализа интервью построена типология переходов к жизни в большой семье. Следует отметить, что переход к родительству подразумевает не только внутреннюю готовность к появлению ребенка, но и оценку необходимых условий для его появления (например, отношения между супругами, наличие жилья, уровень дохода), значимость которых может варьироваться для разных типов многодетных семей. Таким образом, предполагается, что у многодетных родителей существуют разные аргументы принятия роли родителя.

Логика отбора респондентов для интервью. В ходе реализации эмпирической части исследования собрано 46 интервью с родителями в многодетных семьях из Москвы, Владимира, Архангельска², то есть наши результаты и выводы касаются городской, а не сельской многодетности. Данные города, располагающиеся в центральной и северной части России, выделяются сравнительно невысокой долей многодетных семей по сравнению с городами южной части страны и Поволжья. Между собой выбранные города значительно различаются по уровню социального и экономического развития, а также по уровню входящей-исходящей миграции.

Респонденты, попавшие в выборку, различаются по количеству детей и длительности временных промежутков между их рождениями – от трех до пятнадцати детей и с временным лагом между рождениями от 1,5 до 7 лет. Интервью собирались с респондентами разных возрастных когорт в диапазоне от 28 до 65 лет (преимущественно в группе 30–45). В большинстве случаев статус многодетных родителей с детьми до 18 лет пришелся на период последних 15 лет. Среди всех интервью с родителями, 13 проводились с мужчинами, а 33 – с женщинами. В итоговую выборку попали родители с вариацией нескольких демографических признаков: количество детей, интервал между рождениями, наличие или отсутствие единственного брака. Дополнительно контролировался уровень образования, поскольку в российских исследованиях указывается на снижение вероятности попасть в группу с несколькими детьми при его повышении [Тындик, 2012; Малева, Тындик, 2014]. В итоге почти половина респондентов имела высшее, другая половина – среднее и среднее специальное. В выборке двое родителей с ученой степенью и с несколькими высшими образованиями, но имеющими шестерых и более детей. Поскольку признаками, указывающими на вероятность попасть в группу многодетных, являются доход и религиозность [Забавев и др., 2013], то при отборе было важно найти респондентов с разной оценкой уровня жизни и с разной степенью религиозности – неверующие, аффилированные с православием или исламом, практикующие верующие (прихожане). Важно отметить, что отбор респондентов происходил в несколько шагов, что позволяло обсуждать и корректировать критерии в процессе сбора данных.

В ходе проведения интервью важно было удерживать несколько базовых вопросов, касающихся того, что родители сами думают о жизни в многодетной семье, что важно, как они объясняют свои жизненные переходы.

¹ В рамках данной работы словосочетание «жизненные переходы родителей» используется для обозначения совокупности всех переходов к родительству в многодетной семье для акцентирования многократности перехода к родительству. Словосочетания «переход к жизни в большой семье», «родительские переходы к многодетности» являются его синонимами.

² Сбор интервью осуществлялся сотрудниками научной лаборатории «Социология религии» в период с января по март 2016 г. Для сбора интервью в Архангельске и Владимире были организованы поездки исследовательских групп из трех человек. Для всех интервью готовилась аудиозапись и расшифровка.

Обобщение проведенных глубинных интервью показывает, что в итоговом массиве присутствуют разные истории переходов к жизни в многодетной семье. Вместе с тем прослеживаются несколько общих точек в родительской биографии, которые объединяют аргументации разных респондентов, вне зависимости от их уровня образования, дохода и города проживания. Далее мы представим формализованные типы жизненных переходов к многодетности, укажем на маркирующие аргументацию суждения, а также сделаем предположение о факторах переходов к многодетности, которые можно тестировать на количественных данных.

Типы родительских переходов к многодетности. Анализ глубинных интервью проводился методом постоянных сравнений, который считается одной из основных процедур обоснованной теории (grounded theory) [Забаев, 2011]. Мы кодировали разные случаи перехода к многодетности, сравнивая истории родителей между собой, выделяя сходства и различия в мотивах перехода к рождению новых детей, а также прекращения рождений, контролируя при этом структурные признаки изучаемых семей, описанные выше. По мере накопления случаев, маркируемых общими кодами, формировалась типология, представленная разными внутренними и внешними признаками семей.

По итогам анализа интервью мы выделили пять типов переходов к многодетности, которые характеризуются разными мотивами, форсирующими факторами и результирующими признаками семей³: *случайный, планируемый, формальный, естественный, совместный*. Выделенные типы переходов характеризуют разные группы семей в нашей выборке в диапазоне от 3 до 15 детей, в единственном или нескольких браках, а также разным интервалом рождения детей. Все описанные типы переходов могут рассматриваться внутри смысловой дихотомии «открытость рождением» – «ответственность перед рождением». Они стали «осевыми категориями» в рамках анализа.

Случайный переход. Характеризует случаи многодетности, которые являются результатом неожиданной, незапланированной беременности и последующего рождения ребенка. Внутри выборки его типичные представители – родители с тремя, но не более детьми. Специфика данного типа состоит в том, что родителям сложно вменить целенаправленную мотивацию рождения третьего ребенка. У семьи был второй ребенок, рождение которого планировалось, но третьего не ждали или не ждали сейчас. Вместе с тем родители говорят о желании оставить третьего ребенка (в том числе не делать аборт) и последовавшей радости от его появления в семье. Одновременно они не хотят обсуждать вероятность рождения последующих детей, говоря о том, что и третьего не ждали («оставили ребенка», «так получилось, мы не ждали»). «Второго ребенка мы, вообще, планировали, хотели. Ну, я планировала двух детей. Один считала, что это как-то маловато, один. И что он потом. Мне самое главное, что мы потом уйдем, а ребенок останется один в жизни своей, и не известно, как у него сложится вообще в жизни, и как он останется на этом свете один, даже ни брата, ни сестры у него не будет. Все-таки двое, как минимум. Про третьего мы не мечтали, даже и не думали. Дети меня просили третьего. Я говорю, вы что, какой третий, нам достаточно вас вот так вот. При том, мы же с мужем встретились уже в таком возрасте, и начали рожать в возрасте, поэтому куда. Ну, третий

³Мы могли бы также указать на шестой тип перехода – «деструктивный», который представляет собой, к примеру, рождение матерью пятерых-шестерых детей от трех-четырех разных биологических отцов. Отношения между родителями в таких семьях могут не регистрироваться и не всегда можно установить факт биологического отцовства. Рационализация аргументов матери может сводиться к возможности материального обеспечения себя и детей за счет льгот, субсидий и социальных выплат со стороны государства. Вместе с тем в ходе разговора такие рационализации идут в разрыв с сожалением родителей о своей судьбе. В нашей выборке интервью в крупных городах таких случаев не было, что может быть обусловлено точками вхождения в поле. В ходе экспедиции авторов в малые города ЦФО такие случаи наблюдались, хотя рассматривались как исключения, но являлись для жителей и сотрудников служб социальной защиты источником распространения слухов о неблагополучной многодетности. Сотрудники местных органов социальной защиты говорят, что держат на контроле такие случаи многодетных семей.

сам пришел, поэтому нас не спросил он. У меня мои так сильно обрадовались!» (ж., трое детей, высшее, 43 г., нерелигиозная, Москва).

Планируемый переход. Планируемый переход характеризует многодетность в единственном браке, в котором родители аргументируют рождение троих детей и интервалы между их рождениями через взвешивание различных условий, а также оценку текущего уровня жизни и качества отношений. Статус многодетности в данном случае возникает в следующих обстоятельствах. Во-первых, третий ребенок был зачат и рожден по желанию родителей и являлся следствием позитивной оценки отношений в семье («прошло несколько лет, дети подросли, мы решили, что если все так хорошо, то можем и третьего родить»), ресурсных возможностей, поддержки со стороны родственников. Это не значит, что родители, представляющие данный тип перехода, заранее знали, что у них будет трое или четверо детей. Решение о рождении очередного ребенка принималось заново, взвешенно, с учетом материального уровня жизни семьи, занятости матери, а также здоровья родителей и детей. В то же время в дальнейшем родители решают не продолжать рожать детей из-за возникших субъективно значимых ограничений: возрастных и медицинских противопоказаний; желания пожить для себя, выйти на работу; высокой физической и психологической нагрузки, травмирующей родительские отношения в семье. Фактически рождения планируются таким образом, чтобы они не нарушали сложившийся в семье порядок жизни и родительские отношения. В данном случае в дискурсе появляется категория «ответственности» как всей семьи, так и отдельных супругов, которая отвечает за решение о продолжении или остановке новых рождений. «Ну, у нас трое. Пока хватит. Ну, уже, на самом деле, времени мало для нас, поэтому я думаю, что на этом мы остановимся. Потому что надо и этих на ноги поставить умудриться» (м., трое детей, 44 г., высшее, нерелигиозный, Москва). Во-вторых, рождение троих (четверых) детей было запланировано родителями изначально, поскольку у одного из них была установка именно на троих детей или ребенка определенного пола («всегда хотели мальчика»!) в силу собственного опыта жизни в семье. Так, один из супругов мог быть не единственным ребенком в семье (семья его родителей также могла быть многодетной), и он считал естественной и желанной реализацию такого же плана семейной жизни для себя. И наоборот, он был в семье единственным ребенком, но его стремление к многодетности стало результатом негативной оценки жизни семьи с одним ребенком. «...всегда хотелось брата или сестру. То есть, вот общения именно внутри семьи детского мне всегда не хватало. И потом, в старшем возрасте, я даже ну вот как-то завидовала именно тому, что там есть брат, сестра <...> мне кажется, это важно. Хотя бы даже в плане разделения помощи и ответственности» (ж., четверо детей, 44 г., высшее, православная, не прихожанка, Москва). Данный тип характеризуется либо большими интервалами рождений (в среднем 4–5 лет), по сравнению с остальными типами, либо небольшими интервалами, но ранним прекращением новых рождений.

Формальный переход (повторный брак). Характеризует случаи многодетности, в которых, как правило, второй и третий (реже четвертый) ребенок рождаются не в единственном браке, а во втором или последующих браках (союзах). В данном случае статус многодетного родителя возникает формально/административно для матери с несколькими детьми, являясь результатом разрыва отношений в первом браке (в том числе смерти супруга) и желания родить детей в новом браке. Респонденты, в основном женщины, выражают желание иметь ребенка следующим образом: «хотела детей в каждом новом браке», «хотела детей с новым мужем», «первый ребенок был от первого брака». Выделен также случай многодетности с шестью детьми, который также можно отнести к данному типу перехода. «У меня двое было от первого мужа, потом Вася [имена изменены. – И.П., М.Г.] у нас общий, а у него трое от первой жены. Всего шестеро» (ж., шестеро детей в семье, 55 л., высшее, православие, Архангельск).

Естественный переход. Естественный переход к многодетности предполагает выбор супругов в пользу того, что они не будут препятствовать зачатию и рождению детей. Такой выбор в интервью маркируется следующими цитатами: «Дети – дар Божий, от которого

нельзя отказываться», «мы не планируем рождение, сколько Бог даст», «нам важно не отказываться от рождения детей», «Бог дал детей, даст и на детей». Открытость рождению детей в данном случае противопоставляется планированию рождений, которое в пределе для первых означает отказ от новых рождений. «Муж говорит, что он даже не мечтал в молодости, что у меня будет пять детей когда-нибудь там. Ну как бы он хотел, конечно, этого, но не мечтал. Я не знаю, то есть, мы об этом не думаем, сколько Господь даст... Но вот когда появляется ну вот опять ребенок – ты понимаешь, какое же это чудо, несказанно совершенное какое-то счастье такое» (ж., семеро детей, высшее, 36 л., православие, прихожанка, Москва).

В выборке данный тип перехода характерен и для многодетной городской семьи с шестью и более детьми, рожденными в единственном браке. Рождения в таких семьях жестко не планируются («как Бог даст»), а интервалы рождений небольшие (не превышают двух-трех лет)⁴. Данный тип представлен многодетной семьей, в которой один, а чаще оба родителя являются религиозными (воцерковленными)⁵, прошедшими религиозную социализацию и имеющими опыт жизни в многодетной семье. Иными словами, они были воспитаны в церковной традиции и имеют духовника, который участвует в жизни семьи и ее решениях, являет пример своей семейной жизни (если она есть).

Можно предположить, что родители данного типа отличаются низким уровнем образования. Вместе с тем от респондентов, получивших высшее образование и имеющих ученую степень, можно услышать те же аргументы. Около половины интервью, представляющих данный тип перехода, сделаны с респондентами, получившими одно или два высших образования или ученую степень. Их аргументация, как женщин, так и мужчин, выстраивается вокруг дилеммы «рождение детей – вовлеченность в семью» против «построение карьеры – вовлеченность в работу», но в которой они сделали свой выбор в пользу первого. Это не значит, что родители не имеют занятости в течение всей жизни, но она не является определяющей в их жизненном пути и выстраивается в связи с нуждами семьи и детей. Пример занятости матерей – организатор семейного детского сада, преподаватель в школе и в вузе, редактор в издательстве и на радио, регент в хоре. *Р.: Я закончила МГУ, Мехмат. Защитилась. И сейчас работаю – семейный детский сад. <...>* *И.: Почему вы делаете так, а не карьеру математика? Извините за провокационные вопросы.* *Р.: Потому что я вышла замуж. Раз я вышла замуж, и Господь дал мне много детей. Если бы мне нужна была карьера математика, значит у нас бы не было детей, но Господь дает нам детей. Отказаться от этого? Как можно отказаться от дара Божьего»* (ж., девять детей, канд. физ.-мат. наук, 43 г., православие, прихожанка, Москва).

Несмотря на выраженную ориентацию на рождение нескольких детей, такой выбор нельзя описать как аффективный или неразумный. Решения, связанные с его последствиями, предполагают в сознании информантов определенную методичность и последовательность действий: особую организацию времени родителей и логику, выстраивание занятости детей и их образовательной траектории, принятие решений о здоровье и лечении и т.п. В данном случае супруги устраивают семейную жизнь таким образом, чтобы не отклоняться от изначально выбранного пути в браке вне зависимости от рисков и неопределенностей, которые с ним связаны. Переход к многодетности осмысливается ими как «естественный», поскольку родители не принимают решение о рождении нового

⁴В нашей базе интервью встречались родители с четырьмя детьми, которые осознавали рождение детей в таких категориях «Божьего дара». Отчасти это означает принадлежность респондентов к иному типу перехода, который мы назвали «Совместный». Но есть и другое объяснение. Небольшое в сравнении с другими родителями количество детей в этих семьях связано с тем, что мы застали их с интервью в возрасте от 30 до 35 лет. То есть можно предположить, что при такой установке рождение детей в этих семьях продолжится.

⁵Обобщая опыт поиска и проведения интервью с многодетными родителями, можно предположить, что вероятность встретить семью с пятью и более детьми, рожденными в единственном браке, в которой хотя бы один из родителей не являлся бы практикующим верующим, довольно мала.

ребенка каждый раз заново; можно утверждать, что, при прочих равных, оно было принято ими раз и на всю жизнь. В этом смысле рождение ребенка не оказывается риском, проблемой, проектом, а является естественным ходом семейной жизни⁶. Особенность таких семей – они включены в плотные родственные и общинные связи, которые в том числе помогают снять часть материальных и нематериальных вопросов устройства жизни с детьми.

Совместный переход. Значимую роль в его осуществлении сыграли социальные дружеские связи родителей с другими многодетными семьями. В данном случае переход к жизни с несколькими детьми осуществлялся родителями не в одиночестве, а в определенном социальном окружении, с другими многодетными семьями, которые уже прошли этот путь. *«Ну я как-то для себя думала, что хотя бы два, но три... У наших друзей есть хороший такой опыт, у нас наши близкие друзья, тоже достаточно поздно у них появились дети, и у них какой-то такой позитивный опыт. Они чуть-чуть постарше идут, а так близко к нашим детям. И мы, может быть, на них глядя, чтобы можно было как-то все это сдюжить»* (ж., трое детей, высшее, 41 г., православная, не прихожанка, Москва).

Можно выделить определенную специфику семей данного типа: родители росли не в многодетных семьях и не прошли первичную религиозную социализацию, которая оказывается важным предиктором в будущей семейной жизни и отвечает за рождение нескольких детей, как это был показано в случае естественного перехода [Забаев и др., 2013]. Их переход к многодетности случился уже после вступления в брак и, возможно, после рождения первого или второго ребенка. Описания перехода к многодетности таких семей показывают, что он происходил вопреки мнению окружения, которое выражало непонимание в тот момент, когда ожидалось рождение следующего ребенка или обсуждался третий, четвертый и т.д. ребенок⁷. Источником альтернативных взглядов на семью являлись дружественные многодетные семьи, в том числе семьи священников, которые могут выступать в качестве примера для прихожан⁸. Фактически значимость такого социального окружения объясняется возможностью услышать другие аргументы и увидеть другие примеры семейной жизни. *«Среда очень помогает как-то не бояться и тоже стать многодетными. Когда в среде, среди своих же людей, когда кто-то есть, кто рядом с тобой, и ты видишь, что тоже тяжело, но они не боятся, и у них такая радость, и я и результат сразу вижу. Или, там, из поколения в поколение многодетная семья, тоже сразу, конечно, видно, что получается. Ну вот не просто, что вот у них дети маленькие, хорошо получается, а когда видишь, что вырастает, там, мои сверстники, какие они, и у них там образование у всех высшее, и они работают, и еще при этом семья тоже, и не боятся ничего, и помогают нам тоже»* (ж., трое детей, высшее, 26 л., Москва, православие, прихожанка).

Если обобщать случаи, то связи с другими многодетными семьями важны по нескольким причинам. Во-первых, они выступают в качестве образца для молодой семьи, способствуют желанию подражания и перенимания образа жизни больших семей. Признаками могут выступать следующие маркеры: *«Я увидела на конкретном примере, как можно жить в семье счастливо», «мы захотели такую семью, как у нашего священника», «для меня эта семья очень важна как такой образец для подражания», «пообщавшись с ними и посмотрев, как они живут, мы поняли, что это [много детей. – И.П., М.Г.] естественно».* Во-вторых, они позволяют снимать страхи, не замыкаться на своих проблемах, обучаться на примере,

⁶Здесь важно указать на разные значения и источники аргумента о рождении детей – «сколько Бог даст». В первом случае этот аргумент может восприниматься как строгое правило (обет), которое требует методического исполнения в супружеской жизни, вне зависимости от обстоятельств. Во втором случае – оказывается результатом общения (возможно, длительного) супругов со священником (духовником), который, наблюдая за семьей, учитывая разные обстоятельства семейной жизни (болезнь, усталость матери, качество отношений супругов), может дать тот или иной совет, который изменит траекторию рождений, но не изменит самого принципа, отношения к рождению.

⁷«Социальная норма рождений», которая характерна для большинства европейских стран, в том числе России, два ребенка, хотя в странах Южной Европы стремится к одному ребенку.

⁸Объяснение значения семьи священника для пастырства в православии см.: [Емельянов, 2019].

наблюдая за жизнью таких же многодетных семей. В-третьих, они выступают узлами в сети «круговорота вещей», обмена подарками. Взаимопомощь семей включает не только обмен детскими вещами (пеленки, коляски), но и помощь в трудоустройстве и поиске жилья.

Описание совместного типа перехода к многодетности указывает на значение социальных или сетевых эффектов религиозности, в ситуации отсутствия примеров, знаний, помощи со стороны ближайшего родственного окружения [Забаев и др., 2014; Голева, 2019а].

Заключение. Описанные типы родительских переходов к многодетности – результат аналитического сравнения жизненных историй, рассказанных родителями в биографических интервью, а также обобщения и формализации этих историй. Мы не останавливались на описании повседневной жизни многодетных семей, общении детей и родителей, супругов, решении бытовых вопросов. Нам важно указать на разные траектории современной городской многодетности, выявить факторы, которые могут способствовать проявлению того или иного способа перехода к многодетности.

«Случайный» и «планируемый» переходы описывают случаи многодетности, для которых характерны, как правило, третьи, максимум четвертые рождения в единственном браке. В первом типе рождение произошло неожиданно, во втором – ожидаемо. Тем не менее общим местом оказывается логика взвешенного, ответственного отношения к рождению детей, которая в том числе предъясняется в качестве аргумента в пользу остановки рождений. Формальный тип характеризует переход, стимулируемый новым браком к рождению совместных детей в новом союзе. Отдельно, с точки зрения логики аргументации и форсирующих факторов, находятся естественный и совместный переход к многодетности. Фактически логике открытости рождением в браке противопоставлена логика взвешенности или ответственности перед рожденьями. По итогам описания и сравнения «естественного» и «совместного» типов перехода можно сделать предположение, что религиозность до сих пор оказывается важным измерением в обсуждении детерминант современной рождаемости и многодетности. Анализ этого фактора в демографии и социальных науках не уделяется достаточно внимания. Например, выделенный нами совместный тип перехода к многодетности позволяет указать на важность социального измерения религиозности в постсоветском контексте рождаемости – среды для общения и взаимодействия родителей и образования коллективных форм жизни (семейные детские сады, семейные ассоциации, приходские проекты).

Изучение жизненных переходов к многодетности позволяет понимать рождаемость как процесс, который осознается родителями в разных категориях и логиках аргументации. Такая позиция преодолевает объяснение нескольких рождений в логике структурной детерминированности или психологической склонности и установки. Переход к многодетности, в независимости от количества детей, означает выбор для семьи, имеющий свои причины и последствия для родителей. Важно подчеркнуть, что поворотные точки в биографии, описываемые как значимые для перехода к родительству, очень опосредованно связаны с экономическими и политическими факторами, которые обсуждаются в связи с демографической и социальной политикой, призванной стимулировать рождение детей. Последние описываются уже в контексте конкретных решений семейной жизни и родительского перехода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонова А.В. Траектории формирования российской семьи: изменения и факторы, их определяющие // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 2. С. 110–134. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5847.
- Безрукова О.Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 118–127.
- Беккер Г.С. Экономика семьи // Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2003. С. 381–487.

- Борисова О.Н., Павлюткин И.В. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28. № 4. С. 128–151. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151.
- Вишневский А. Незавершенная демографическая модернизация в России // SPERO. 2009. № 10. Весна–Лето. С. 55–82.
- Вовк Е. Образы многодетной семьи в современном обществе. Многодетность как ценность и практика // Социальная реальность. 2007. № 3. С. 33–46. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-237.pdf> (дата обращения: 25.05.2019).
- Воронин Г.Л. Многодетные семьи в России: уровень социально-экономического благосостояния // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 6 / Отв. ред. П.М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2016. С. 164–181.
- Голева М.А. Сетевые эффекты рождаемости: случай многодетных семей в России // Экономическая социология. 2019а. Т. 20. № 3. С. 136–163. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-3-136-163.
- Голева М.А. Социальное значение времени в семье с детьми (на примере многодетных семей) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019b. № 3. С. 239–260. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.14.
- Емельянов Н.Н. Значение семьи православного священника в пастырском служении: богословский подход // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 82. С. 34–50. DOI: 10.15382/sturl201982.34-50.
- Забаяев И.В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 32. С. 124–142.
- Забаяев И.В., Мелкумян Е.Б., Орешина Д.А., Павлюткин И.В., Пруцкова Е.В. Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы // Демоскоп Weekly. 2013. 1–19 мая. № 553–554. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php> (дата обращения: 19.05.2019).
- Забаяев И.В., Орешина Д.А., Пруцкова Е.В. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально- сетевого анализа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 1(32). С. 40–66.
- Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А. Материальные депривации в оценках бедности // Народнонаселение. 2019. Т. 22. № 2. С. 51–63. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00015.
- Крихтова Т.М. Социология семьи и детства в работах Джеймса Боссарда // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 3. С. 84–98. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6677.
- Малева Т.М., Синявская О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. 2006. № 5. С. 70–97. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0309/analit02.php> (дата обращения: 19.05.2019).
- Малева Т.М., Тындык А.О. Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные? // Регион: экономика и социология. 2014. № 2(82). С. 116–136. URL: <http://www.sibran.ru/upload/iblock/c93/c93183aec99ff408a2de51acdc5f7923.pdf> (дата обращения: 19.05.2019).
- Прокофьева Л.М., Куприянова Е. Многодетная семья в России // Демоскоп Weekly. 2009. 13–30 апреля. № 373–374. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema03.php> (дата обращения: 19.05.2019).
- Смолева Е.О. Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 2. С. 116–137. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6389.
- Тындык А.О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 361–376.
- Шевченко И.О., Шевченко П.В. Большая семья – какая она? // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 95–101.
- Ярская-Смирнова Е.Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!». Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 14–25.
- Aries P. Two Successive Motivations for the Declining Birth Rate in the West // Population and Development Review. 1980. Vol. 6. No. 4. P. 645–650. DOI: 10.2307/1972930.
- Belsky J., Pensky E. Marital Change across the Transition to Parenthood // Marriage and Family Review. 1988. Vol. 12. No. 3–4. P. 133–156. DOI: 10.1300/J002v12n03_08.
- Belsky J., Rovine M. Patterns of Marital Change across the Transition to Parenthood: Pregnancy to Three Years Postpartum // Journal of Marriage and Family. 1990. Vol. 52. No. 1. P. 5–19. DOI: 10.2307/352833.
- Bengtson V.L., Allen K.R. The Life Course Perspective Applied to Families over Time // Boss P., Doherty W.J., LaRossa R., Schumm W.R., Steinmetz S.K. (eds) Sourcebook of Family Theories and Methods. Boston, MA: Springer, 2009. P. 469–504.
- Bossard J.H.S., Boll E. The Large Family System. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1956.

- Kaa D.J. van de. Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // *Population Studies*. 1996. Vol. 50. No. 3. P. 389–432.
- LaRossa R., LaRossa M.M. *Transition to Parenthood: How Infants Change Families*. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1981.
- LaRossa R., Sinha C.B. Constructing the Transition to Parenthood // *Sociological Inquiry*. 2006. Vol. 76. No. 4. P. 433–457. DOI: 10.1111/j.1475-682X.2006.00165.x.
- Rossi A.S. Transition to Parenthood // *Journal of Marriage and the Family*. 1968. Vol. 30. No. 1. P. 26–39. DOI: 10.2307/350219.
- Zaidi B., Morgan P.S. The Second Demographic Transition Theory: A Review and Appraisal // *Annual Review of Sociology*. 2017. Vol. 43. No. 4. P. 473–492. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053442.

Статья поступила: 12.09.19. Финальная версия: 16.04.20. Принята к публикации: 13.05.20.

HOW DO FAMILIES WITH MANY CHILDREN EMERGE? TYPOLOGY OF PARENTS' TRANSITIONS

PAVLYUTKIN I.V.*, GOLEVA M.A.*

*Saint Tikhon's Orthodox University, Russia

Ivan V. PAVLYUTKIN, Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow (euhominid@gmail.ru); Mariia A. GOLEVA, Junior Research Fellow (m.goleva@mail.ru). Both – Sociology of Religion Research Laboratory, Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The project was supported by the Russian Science Foundation in a form of a grant, project № 18-78-10089. The grant was given to Saint Tikhon's Orthodox University.

Abstract. The studies of large families are focused either on poor material conditions and problems of families with many children, or on their insecurity and social exclusion. Such questions as “How do people create large families?” and “How do parents perceive this transition?” are beyond the scope of the majority of sociological investigations. This article contains the results of a research of parents' transitions to large families based on the analysis of 46 in-depth interviews conducted in three Russian cities – Arkhangelsk, Vladimir and Moscow. The recruited respondents varied in number of children, marriage experience (number of marriages), level of education and religiosity. A comparative analysis of family stories allowed constructing a formalized typology of 5 transitions to large families: accidental, formal, planned, natural, collaborative (joint). The types of transitions described represent two opposite logics of argumentation: at one pole there is the logic of openness to births and at the other one – the logic of responsibility for birth. The results obtained allowed making an assumption that religiosity is still being an important determinant of modern fertility for large families. For example, joint transition to a large family illuminates the importance of religiosity in the post-Soviet context of fertility, as it helps parents with many children to build specific social networks – a supportive environment for communication and interaction between parents and the formation of collective forms of life (family kindergartens, family associations, parish community).

Keywords: sociology of family, large family, life transitions, religiosity, social networks.

REFERENCES

- Aries P. (1980) Two Successive Motivations for the Declining Birth Rate in the West. *Population and Development Review*. Vol. 6. No. 4: 645–650. DOI: 10.2307/1972930.
- Artamonova A.V. (2018) Changes in Family Formation Trajectories among Russians and Factors for such Changes. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 24. No. 2: 110–134. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5847. (In Russ.)
- Becker G.S. (2003) Family Economics. In: Becker G. *Human Behavior: Economical Approach. Selected Works on Economic Theory*. Moscow: GU VSHE: 381–487. (In Russ.)
- Belsky J., Pensky E. (1988) Marital Change across the Transition to Parenthood. *Marriage and Family Review*. Vol. 12. No. 3–4: 133–156. DOI: 10.1300/J002v12n03_08.
- Belsky J., Rovine M. (1990) Patterns of Marital Change across the Transition to Parenthood: Pregnancy to Three Years Postpartum. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 52. No. 1: 5–19. DOI: 10.2307/352833.
- Bengtson V.L., Allen K.R. (2009) The Life Course Perspective Applied to Families over Time. In: Boss P., Doherty W.J., LaRossa R., Schumm W.R., Steinmetz S.K. (eds) *Sourcebook of Family Theories and Methods*. Boston, MA: Springer: 469–504.

- Bezrukova O.N. (2016) Values of Parenthood: Structure, Types, Resources. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 118–127. (In Russ.)
- Borisova O., Pavlyutkin I. (2019) The Revival of Tradition, New Marriages or Network Effects: Variability of Models of Modern Urban Large Families? *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 28. No. 4: 128–151. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151. (In Russ.)
- Bossard J.H.S., Boll E. (1956) *The Large Family System*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Emeliyanov N.N. (2019) Significance of Family of Orthodox Priest in Pastoral Ministry: Theological Approach. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies]. No. 82: 34–50. DOI: 10.15382/sturl201982.34-50. (In Russ.)
- Goleva M. (2019b) Social Meaning of Time in a Family with Children (a Case Study of Large Families). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny*. [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 239–260. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.14. (In Russ.)
- Goleva M. (2019a) The Effects of Social Network on Fertility: The Case of Large Families in Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 20. No. 3: 136–163. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-3-136-163. (In Russ.)
- Kaa D.J. van de. (1996) Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. *Population Studies*. No. 50(3): 389–432.
- Korchagina I.I., Prokofieva L.M., Ter-Akopov S.A. (2019) Material Deprivations in Poverty Estimations. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 22. No. 2: 51–63. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00015. (In Russ.)
- Krihtova T. (2019) Sociology of Family and Childhood in the Work of James Bossard. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 25. No. 3: 84–98. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6677. (In Russ.)
- LaRossa R., LaRossa M.M. (1981) *Transition to Parenthood: How Infants Change Families*. Beverly Hills, CA: Sage Publications.
- LaRossa R., Sinha C.B. (2006) Constructing the Transition to Parenthood. *Sociological Inquiry*. Vol. 76. No. 4: 433–457. DOI: 10.1111/j.1475-682X.2006.00165.x.
- Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. (2006) Socio-economic Factors of Fertility in Russia: Empirical Measurements and Challenges to Social Policy. *SPERO*. No. 5: 70–97. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0309/analit02.php> (accessed 19.05.2019). (In Russ.)
- Maleva T.M., Tyndik A.O. (2014) The Low Birth Rate Trap in Moscow: Highly-Educated Childless? *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. No. 2(82): 116–136. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-237.pdf> (accessed 25.05.2019). (In Russ.)
- Prokofieva L.M., Kupriyanova E. (2009) A Large Family in Russia. *Demoscope Weekly*. April 13–30. No. 373–374. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema03.php>. (accessed 19.05.2019). (In Russ.)
- Rossi A.S. (1968) Transition to Parenthood. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 30. No. 1: 26–39. DOI: 10.2307/350219.
- Shevchenko I., Shevchenko P. (2005) A Large Family – What is it Like? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 95–101. (In Russ.)
- Smoleva E.O. (2019) Large Families in Regions: Mechanisms of Exclusion and Stereotypes. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 25. No. 2: 116–137. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6389. (In Russ.)
- Tyndik A.O. (2012) Reproductive Attitudes and their Realization in Modern Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3: 361–376. (In Russ.)
- Vishnevsky A. (2009) Incomplete Demographic Modernization in Russia. *SPERO*. No. 10: 55–82. (In Russ.)
- Voronin G.L. (2016) Large Families in Russia: the Level of Socio-economic Well-being. In: Kozyreva P.M. (ed.) *Bulletin of the Russian Longitudinal Monitoring Survey of Higher School of Economics (RLMS-HSE)*. Vol. 6. Moscow: NIU VSHE: 164–181. (In Russ.)
- Vovk E. (2007) Images of a Large Family in Modern Society. Large Families as a Value and Practice. *Sotsialnaya realnost* [Social Reality]. No. 3: 40–66. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-237.pdf> (accessed: 25.05.19) (In Russ.)
- Yarskaya-Smirnova E.R. (2010) “Yes, Yes, I Remember You, You Have a Dysfunctional Family!” Discursive Design of Modern Russian Family Policy. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 2: 14–25. (In Russ.)
- Zabaev I. (2011) The Logic of Data Analysis in Grounded Theory: B. Glezer's Version. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. No. 32: 124–142. (In Russ.)
- Zabaev I., Melkumyan E., Oreshina D., Pavlyutkin I., Prutskova E. (2013) The Impact of Religious Socialization and Belonging to a Religious Community on Fertility. The Problem Statement.

Demoscope Weekly. May 1–19. No. 553–554. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php> (accessed 19.05.2019). (In Russ.)

Zabaev I., Oreshina D., Prutskova E. (2014) Social Capital of the Russian Orthodox Christianity in the Early 21st Century: Applying Social Network Analysis. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. No. 1(32): 40–66.

Zaidi B., Morgan P.S. (2017) The Second Demographic Transition Theory: A Review and Appraisal. *Annual Review of Sociology*. Vol. 43. No. 4: 473–492. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053442.

Received: 12.09.19. Final version: 16.04.20. Accepted: 13.05.20.